

Валентинъ Кривичъ

Замѣтки о русской беллетристикѣ

"Аполлонъ", No 1, 1909

[OCR Бычков М. Н.](#)

Они довольно печальны -- беллетристическіе итоги отзвучавшаго лѣта. Въ пухломъ августѣ "Современнаго Мира" за кончились "Грани" -- длинная и скучная повѣсть С. Гусева-Оренбургскаго. На фонѣ надоѣвшей декорации зарева и дыма по обыкновенію вяло, топчутся безликія маріонетки, которыхъ авторъ заставляетъ разыгрывать мелодраму.

Прогрессивная попадья и консервативный священникъ, грузно-пьяный становой и преслѣдуемый сознательный крестьянинъ, разгромъ усадьбы и конспиративныя сборища -- сколько разъ уже все это изображалось и даже чуть ли не тѣмъ же г. Гусевымъ-Оренбургскимъ. Право, кажется что всѣ эти звѣроподобные чины уѣздной администраціи и рабочіе съ открытыми лицами на разгромахъ и погромахъ давно и разъ навсегда были кѣмъ то сочинены и теперь только воспроизводятся машиннымъ способомъ въ три краски и цѣлыми дюжинами за-разъ.

Если беллетристъ этотъ и умѣлъ танцовать только отъ привычной печки, то все же въ прежнихъ вещахъ его нѣтъ нѣтъ да и промелькнетъ вѣрно и интересно зафиксированное пятно, здѣсь-же -- да вотъ хотя бы образчикъ изобрѣтательности автора "Граней", во время разгрома усадьбы кто-то тащитъ изъ сада статую, вокругъ ревъ ужасъ и огонь, но "Хлѣбодаровъ (помѣщикъ) забылъ уже пылающій домъ, разбитые амбары, грозящее разореніе... лишь лицо богини видитъ онъ "Варвары" -- кричитъ онъ вѣдь это Венера Милосская"... -- а вслѣдъ за нимъ выступаетъ и героиня повѣсти, попадья и, защищая статую отъ огня, бросаетъ толпѣ: "Нельзя!" "Это Вѣчное... "это Красота". -- послѣ чего сконфуженный Титъ ", бережно ставитъ Венеру".

Эта Венера Милосская безподобна и надо ли послѣ этого удивляться, что нѣкоторыя духовныя лица его повѣстей стилизованы, по меньшей мѣрѣ, Соловьями-Разбойниками, а скромные батюшкины коняки оказываются бѣшенными мустангами мексиканскихъ прерій. Съ большимъ удовольствіемъ читается въ той же книжкѣ "Совр. Мира" рассказъ г. Невѣрова "Музыка". Тамъ правда, нѣсколько наивно и неуверенно, но все же внимательно и тепло зарисованы мягкія переживанія семнадцатилѣтней Клавденьки. Только кончается эта бемольная, притушенная лѣвой педалью, "Музыка" какимъ-то ужъ очень безвкуснымъ и несуразнымъ диссонансомъ: ночной сторожъ ни съ того, ни съ сего поджигаетъ флигелекъ, откуда слышался тихій, вечерній рояль Клавденьки. Въ августовской "Русской Мысли" останавливаетъ на себѣ вниманіе "Медвѣдь Панфалиилъ", граціозная сказка Ольги Форшъ о шестилѣтнемъ Ѳомѣ увезенномъ въ лѣсъ старымъ медвѣдемъ и "омедвѣдившемся" тамъ

Ольга Форшъ любитъ и тонко воспринимаетъ природу. Шорохи весенняго лѣса, ароматы травъ и горячей земли, интересно преломляются въ ея фантазіи, придавая сказкѣ что-то живое, зыбкое, немного пожалуй, затѣйливое. "Въ послѣднія сумерки передъ темной ночью выходили изъ цвѣтовъ хорошіе запахи, всѣ въ зеленыхъ чулкахъ и водили Ѳому по туманамъ. Запахи научали ни чемъ ровно не думать". Конечно, намъ, такъ недавно еще дочитавшимъ 23-ю сказку Щедрина, долго еще будетъ чудиться гдѣ-то "за сказкой", колющій ребусъ, но сказки Ольги Форшъ и точно миѡы и напрасно подъ мохнатой маской стараго Панфалиила вы стали бы искать чей-то знакомый профиль, а къ непривычной пестротѣ сказочныхъ арабесокъ подбирать шифръ. Арабески О. Ф. не тайнопись, онѣ -- интимное и свѣжее, хотя вовсе и не наивное творчество.

Въ запоздавшемъ іюлѣ "Вѣсовъ" отмѣтимъ новеллу Н. Гумилева "Скрипка Страдивариуса".

Рѣчь идетъ о мэтрѣ Белличини замѣчательномъ музыкантѣ, строившемъ свои произведенія по точнымъ формуламъ математики и обладавшемъ исключительной по качествамъ скрипкой Страдивариуса. Но счастливый соперникъ королей и магнатовъ, мэтръ все же не можетъ завершить начатое имъ соло. Рѣшительный взлѣтъ пьесы, хотя и неопровержимо рассчитанный композиторомъ, ему не дается. Явившійся во снѣ дьяволъ играетъ мэтру на своей скрипкѣ прообразъ недающуюся ему мелодію и мэтръ, сознавъ, что не можетъ земная скрипка повторить, не искажая, эту дьявольскую мелодію, въ отчаяннѣ разбиваетъ своего "страдивариуса" и сходитъ съ ума.

Новелла интересна и нѣсколько напоминаетъ старый миѡ о Ѳамирѣ-Киѡаредѣ. Онъ тоже разбилъ свою киѡару, убѣдившись что муза играетъ безмѣрно лучше его, вызвавшего ее на состязаніе и